
ПРИЗВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ТЕОЛОГА¹

Ричард Суинберн

Перевод с английского А. Карабыкова, Т. Майоровой²

Аннотация: *вниманию читателей предлагается первая часть интеллектуально-автобиографического очерка одного из ведущих христианских мыслителей последнего полувека, члена Британской Академии, профессора христианской философии в Оксфордском Университете в 1985–2002 гг.*

Ключевые слова: *теизм, христианство, оксфордская философия, обоснование научных теорий*

Насколько я помню, я всегда мыслил по-христиански и с ранних лет молился. Поскольку мои родители не были христианами, человеческий вклад в этот процесс должен быть полностью приписан моему школьному обучению. К тому времени, когда я окончил британскую частную школу, прошёл военную службу и в 1954 году приехал студентом в Оксфордский университет, быть христианином было самым важным в моей жизни. Я также любил дискуссии и обнаружил в себе природный интерес к “большим” вопросам. Это привело к тому, что я изучал философию, политику и экономику (с упором на философию) для получения бакалаврской степени. Мой дом, школа, военная служба (проведённая в изучении русского языка, предположительно языка врага в грядущей войне) и прежде всего университет были высокоинтеллектуальными местами, где мне были доступны все достижения и актуальные взгляды современного академического мира. Мне казалось, что эти взгляды были глубоко антихристианскими. Этика искусственных интеллектуалов сильно отличалась от этики традиционных христиан.

Конфликт между материализмом и христианством

Материалистическое мировоззрение, сильно отличающееся от традиционно-христианского, было тем, которое, считалось, поддерживала наука. И “скандал” о том, что Бог воплотился во Христе, войдя в человеческую историю, поистине воспринимался как “скандал”, то есть абсурд, тогдашними интеллектуалами. Была огромная вера в прогресс, а прогресс, казалось, означал, что христианство оставлено в прошлом. Но интуиция влекла меня к традиционному христианству, а факт конфликта между ним и современным интеллектуальным мировоззрением сам по себе не слишком волновал

---

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44042 «Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ».

2 Перевод выполнен по изданию: Richard Swinburne, *The Vocation of a Natural Theologian* // Kelly James Clark (ed.) *Philosophers Who Believe: The Spiritual Journeys of Eleven Leading Thinkers*. Downers Grove: InterVarsity Press, 1993, pp. 179–202.

меня. В Новом Завете достаточно свидетельств, указывающих на то, что христианству будет привержено меньшинство. Кроме того, как я сказал, мне нравилось спорить – и чем больше имелось людей, с которыми надо было спорить, и чем умнее они были, тем мне было лучше. (Если вы думаете, что это моё отношение было не вполне христианским, вы, возможно, правы!)

Но вот что действительно меня беспокоило: церковь, похоже, не принимала этот конфликт всерьёз. Проповедники произносили благочестивые проповеди, которые были просто не согласуемы с современной наукой, этикой и философией; в них разъяснялись библейские тексты и доносились известные позиции. И ответом на вопросы, вроде «Почему следует верить Библии?», «Разве вера эта не основывается на устаревшей науке?», «Разве истины морали не сводятся к личным мнениям?» «Почему вообще нужно думать, что Бог существует?» – служило то, что религия есть только дело “веры”. Но проповедники были не в силах сказать что-либо о том, почему кто-то должен совершать “прыжок веры” и почему тот должен делаться именно в этом, а не в том направлении (то есть в пользу данной религии, а не конкурирующего мировоззрения). Ленивое безразличие церкви к современному знанию ужасало меня, и я понимал, что даже если в 1954 году 20% населения Соединенного Королевства всё ещё посещало церковные службы, это не продлится долго, если христианство не будет лучше отвечать интеллектуальному мировоззрению.

Со временем я осознал, что за этим “ленивым безразличием”, как я понимал его, скрывалась определённая теологическая установка. Имелись богословские “оправдания” того, почему разум не участвовал в установлении основ теологической системы христианства. Наиболее влиятельными систематическими теологами в то время являлись немцы, самым известным из которых был Карл Барт. Они вывели свою философию из континентальной философской традиции последних двухсот лет. К этой традиции принадлежат столь разные фигуры, как Гегель, Ницше, Хайдеггер и Сартр. Но мне казалось – и так кажется большинству англо-американских философов, – что всем им свойственна известная небрежность доказательств, склонность начерчивать большие, смутные и слишком общие картины вселенной, не очень точно их формулируя и не очень тщательно обосновывая. Словом, то был вид философии, ориентированный, скорее, на литературу, а не на науку. Философом, который больше прочих повлиял на теологов, был Сёрен Кьеркегор, считавший, что выбор между мировоззрениями совершается нерационально.

Теперь я не хотел отрицать, что религия выбирается осознанно; она требует бескорыстной отдачи собственной жизни ради чрезвычайно достойной цели. Но нужно показать, что цель действительно достойна, что христианский образ жизни – благой путь и что система христианской теологии, объясняющая, почему этот путь благ, характеризуется разумно подкреплённой вероятностью того, что она истинна. Нет смысла поклоняться Богу или исповедовать Ему свои грехи, если Он едва ли существует. Если современная учёность выдвигает несколько рациональных доводов в пользу того, что Его скорее всего нет, их нужно воспринять всерьёз и доказать их несостоятельность.

Попросту игнорировать их оскорбительно для Бога, наделившего нас разумом и позволившего использовать его столь успешно в теоретической и практической науке. Но, увы, модная в 1950-е годы систематическая теология не располагала ресурсами для решения таких задач.

Наследие логического позитивизма

Поражённый отношением церкви к современному знанию, я овладевал его частью – той философией, что преподавалась в Оксфорде в конце 1950-х годов. Широкий поток рациональных рассуждений о больших метафизических проблемах, который отличал европейскую философию со времён греков, достиг причудливой стадии. В англо-американском мире, взятом в целом, скептицизм Юма дал подъём логическому позитивизму: представлению о том, что единственными реальными вещами служат чувственные ощущения и (возможно) материальные объекты, видимые невооруженным глазом, и что наше знание ограничено прошлыми, настоящими и будущими изменениями чувственных восприятий и материальными объектами. И дело не в том одном, что наше знание ограничено, но и в том, что говорить о чём-либо ещё, помимо этих ощущений и объектов, бессмысленно. Это воззрение было выражено в принципе верификации, гласящем, что значимы лишь те пропозиции, которые могут (в некотором роде!) быть проверены с помощью наблюдения. И потому, учили его приверженцы, все утверждения о природе пространства и времени, а также о том, какие моральные взгляды верны, и, конечно, о Боге, – не ложны, а просто бессмысленны.

В Оксфорде эта позитивистская закваска привела многих философов к убеждению, что единственная задача, оставшаяся на долю философии, – учить людей тому, что означают слова в их обыденном употреблении, и так помочь им избегать использования слов для выражения бессмысленных философских тезисов. Если вы понимали, что означает фраза «быть причиной» (cause), то есть как она применяется в повседневных ситуациях, у вас не мог возникнуть соблазн произносить такие бессмысленные вещи, как «Бог был причиной мира»! Первосвященником оксфордской философии «обыденного языка» был Джон Л. Остин³. Мне довелось посетить многие из его лекций и курсов, и потому я считаю себя везунчиком. Я кое-что узнал о тонкостях обыденного языка и о необходимости начинать со слов, используемых в их обычных значениях, даже если некто вводит потом на их основе новые технические термины. Метафизический язык должен исходить из обычного языка и истолковываться в его терминах. Философия “обыденного языка”, однако, не симпатизировала ничему, что выходило за рамки этого языка. Вместе с тем она учила ясности выражения и основательности обсуждения. Я высоко ценил оксфордскую философию за то, что она культивировала эти интеллектуальные добродетели. Но мне казалось, что нет веских оснований верить догмам, лежащим в основе данной практики. В частности, я думал, что нет веских оснований принимать на веру верификационный принцип. Даже если кто-то принимает его в самом деле, то до тех

---

³ Джон Лэнгшо Остин (1911–1960) – британский философ, один из создателей теории речевых актов, автор работ «Как совершать действия при помощи слов», «Смысл и сенсibiliи», «Чужое сознание» и др. (здесь и далее примечания переводчиков).

пор, пока слово «верифицированный» понимается не как «окончательно проверенный», а как «подкрепленный или опирающийся на свидетельства или доводы», почему бы не быть верифицируемыми и значимыми великим метафизическим теориям, включая христианский теизм?

Итак, я не любил оксфордскую философию за её догмы, но мне нравилась она своими орудиями ясности и строгости; и мне казалось, что кто-либо может использовать эти средства, чтобы вернуть христианскому богословию интеллектуальную респектабельность. Так я пришёл к убеждению, что моим христианским призванием было внести вклад в этот процесс. Я собирался стать священником, но вместо этого сделался профессиональным философом. Я продолжил заниматься философией: поступил на двухгодичный бакалаврский курс (стандартный в то время в Оксфорде для желающих стать профессиональным философом), а затем ещё год работал над дипломом по теологии.

И всё же мне представлялось, что основой современного мировоззрения служила не оксфордская или какая-то иная версия профессиональной философии, а современная теоретическая наука: теория относительности и квантовая теория в физике, эволюционизм в биологии и исследования ДНК в генетике⁴. На взгляд многих, все они противоречили традиционному христианскому мировоззрению. И здесь я чувствовал себя очень невежественным, поскольку мало изучал науку в школе. Я должен был разобраться в этих великих её достижениях. Мне посчастливилось выиграть исследовательскую стипендию на три года (для работы в Оксфорде, а затем в Лидсе, в 1960–1963 годах) после моих философских и теологических штудий; и я посвятил это время изучению многого в современной науке и её истории, чтобы понять, как мы оказались там, где теперь находимся. Я также изучал философию науки, очень плохо развитую в Англии тех лет: отрасль философии, изучающую значение и обоснование научных теорий, в особенности критерии, которыми пользуются учёные для признания одной теории как хорошо подтверждённой, а другой как опровергнутой данными, а также то, являются ли эти критерии окончательными или они сами могут быть обоснованы некими общими принципами рациональности или логики.

Обоснование научных теорий

Изучение науки очень быстро пролило мне свет на одну вещь. Выдающиеся теории и предсказания современной науки касались предметов, выходящих далеко за рамки наблюдений: атомов, электронов и теперь кварков, слишком мелких, чтобы быть наблюдаемыми в точном смысле. Они касались и галактик, квазаров, Большого взрыва, слишком далеких во времени или пространстве, чтобы быть наблюдаемыми в точном смысле. Если бы мы настаивали на том, что для того чтобы быть значимой научная теория должна быть «верифицируемой», то есть убедительно проверяемой с помощью наблюдения, то современная наука оказалась бы лишённой смысла. Тем не

---

⁴ Речь идёт прежде всего о расшифровке структуры ДНК, совершённой в 1953 г. англо-американской группой учёных (Фр. Крик, Дж. Уотсон, М. Уилкинс). Это открытие одним из epochальных событий в истории биологии.

менее поскольку совершенно очевидно, что она значима – как должен признать каждый, в той или иной мере разделяющий современное мировоззрение, – теории могут быть значимыми, не будучи проверяемыми в указанном смысле. Я увидел (и в свое время оксфордская философия тоже осознала это), что догма верификационизма была фатально ошибочной. То, что делает научные теории значимыми, – это не их верифицируемость, а тот факт, что они описывают свои данности (атомы) и их свойства (скорость, вращение) словами, используемыми примерно так же, как слова для описания обыденных вещей. Атомы чем-то похожи на бильярдные шары, только гораздо меньше; они также чем-то похожи на волны, только не в жидких средах, таких как вода. Соответственно, нужно использовать слова, до некоторой степени подобные этим, чтобы передать, на что похожи атомы. Любая попытка описать их не будет полностью достоверной, но может дать нам неплохое представление о том, на что они похожи. И научные теории (или гипотезы) обоснованы в той мере, в какой (1) они заставляют нас ожидать явления, которые мы наблюдаем вокруг нас, причём (2) явления, которые были бы непредвиденными в противном случае, и (3) эти теории являются простыми.

Критерий простоты имеет решающее значение. Если бы единственным свидетельством в пользу научной теории была её успешность в том плане, что она подводит нас к ожиданию того, что мы наблюдаем, тогда у нас никогда бы не было обоснования для любого предсказания о будущем. Позвольте мне проиллюстрировать это простым примером. Предположим, что вы ученый, изучающий связь двух переменных (x и y). До сих пор вы сделали шесть наблюдений и, положим, обнаружили, что x и y связаны следующим образом:

x : 1, 2, 3, 4, 5, 6

y : 1, 2, 3, 4, 5, 6

Вы ищете общую формулу, соединяющую x и y , которая позволит вам предсказать будущее значение y для нового значения x . Возможно бесконечное количество формул – все они с одинаковым успехом подвели бы вас к ожиданию увиденного, но расходились бы в своих прогнозах на будущее. Например, все формулы вида $y = x + z(x - 1)(x - 2)(x - 3)(x - 4)(x - 5)(x - 6)$, где z – некая константа, выглядят таким образом. Но, конечно, вы считаете, что одна из формул ($y = x$) обоснована лучше, чем прочие; и это так по той причине, что она проще. Более простая теория – это та, которая, скорее всего, истинна.

Учёные используют ту же самую схему аргументации, чтобы доказать существование невидимых данностей в качестве причин тех явлений, которые они наблюдают. Например, в начале девятнадцатого века химики наблюдали множество различных явлений химического взаимодействия, в частности, соединение веществ в фиксированных весовых соотношениях, образующее новые вещества (например, водород и кислород всегда образуют воду в весовом соотношении 1:8). Затем они заявили, что эти явления были бы ожидаемыми, если бы существовало около ста разных видов атомов – частиц слишком мелких, чтобы быть видимыми, – объединяемых и пересобираемых определенными простыми способами. В свою очередь физики постулировали электроны, протоны, нейтроны и другие частицы, чтобы объяснить поведение атомов; и теперь они

постулируют кварки, чтобы объяснить поведение протонов, нейтронов и большинства других частиц. То, что мы постулируем как теорию, должно позволять нам предсказывать (по крайней мере, с некоторой вероятностью) то, что мы наблюдаем, тогда как другие теории не делают этого. Но критерий простоты остаётся решающим при выборе среди бесконечного числа тех теорий, которые действительно предсказывают наблюдаемое.

Простота теории выражается не только в математически простых формулах, соединяющих данные переменные (как в моем примере). Она также проявляется в малом числе законов, каждый из которых соединяет несколько переменных. Простая теория постулирует мало объектов и мало их видов, мало свойств и мало их видов. Мы всегда могли бы постулировать множество новых объектов со сложными свойствами, чтобы объяснить всё, что мы обнаружили. Но наша теория будет подкреплена доказательством только в том случае, если она постулирует мало объектов, ведущих нас к ожиданию разнообразных явлений, что и формирует доказательство. Иногда говорят, что мы можем проверить теории, одинаково успешные в предсказывающих наблюдениях, с помощью нового теста (в моем примере наблюдается значение y для $x = 7$), и так будет исключено большинство из данных теорий. Но это всё равно оставит нас с бесконечным количеством гипотез, несовместимых друг с другом в их дальнейших предсказаниях. Иногда говорят, что фоновые знания – наши общие знания о том, как мир работает в соседних областях науки, – помогут нам сделать выбор между конкурирующими теориями без использования критерия простоты. В согласии с этим взглядом, мы выбираем теорию, которая «лучше всего соответствует» этим фоновым знаниям. Но «подходит лучше всего», как выясняется, означает «подходит проще всего». И в любом случае, когда мы рассматриваем большие теории, вроде общей теории относительности, они претендуют на то, чтобы объяснить столь многое (например, всё в механике, оптике и электромагнетизме), что остаётся не так много теорий в смежных областях, которым они могут соответствовать. Простота остаётся главным критерием выбора между такими конкурирующими теориями. Как гласит старая латинская поговорка, *simplex sigillum veri*, простота – это признак истины. Чтобы стать вероятной с помощью доказательства, теория должна быть простой.

Обоснование религиозной веры

Увидев, что делает научные теории значимыми и обоснованными, я понял, что любая метафизическая теория, к примеру, теологическая система христианства – это сверхнаучная теория. Каждая научная теория стремится объяснить конкретный, ограниченный класс данных: законы Кеплера стремились объяснить движение планет; естественный отбор – ископаемую летопись и различные особенности животных и растений, существующих ныне. Но некоторые научные теории находятся на более высоком уровне, чем другие, и стремятся объяснить действие теорий более низкого уровня и наличие прежде всего тех объектов, с которыми те имеют дело. Законы Ньютона объясняли, почему действовали законы Кеплера; химия стремилась объяснить, почему в первую очередь существовали примитивные животные и растения. Метафизическая теория занимает самый высокий уровень. Она стремится объяснить, почему вообще

существует Вселенная, почему она имеет те наиболее общие законы природы, которые ей свойственны (в особенности законы, ведущие к эволюции животных и людей), а также любые отдельные явления, которые не могут быть объяснены законами более низкого уровня. Такая теория значима, если её можно сформулировать обычными словами, возможно, с немного растянутой семантикой. И она обоснованна, если это простая теория, подводящая нас к ожиданию наблюдаемых явлений, которых бы мы не ожидали в противном случае. Когда я заметил это, моя программа была готова. Она состояла в том, чтобы использовать критерии современного естествознания, проанализированные со всей строгостью современной философии, чтобы показать значимость и обоснованность христианского богословия.

Тогда же я обнаружил, что кто-то другой уже пытался строго использовать передовую науку и философию своего времени для упрочения христианского богословия. Я читал первую часть «Суммы теологии» Фомы Аквинского. Он тоже начал с того места, где был светский мир в XIII веке (в его время) и использовал лучшую из доступных мирских философий – аристотелизм – вместо философии Платона, изначально имевшей более христианский имидж. Фома стремился показать, что размышление о наблюдаемом мире, как тот описывался аристотелевской наукой, неизбежно вело к его создателю – Богу. «Сумма» начинается не с веры, религиозного опыта или Библии – она начинается с наблюдаемого мира. После вводного вопроса её первый ключевой вопрос: *Utrum Deus Sit*, есть ли Бог. Фома даёт пять «путей», или доказательств от наиболее очевидных общих явлений, доступных из опыта: что вещи меняются, что одни явления вызывают другие и т.д., – чтобы показать, что Бог есть. Я не считаю, что эти пять путей работают достаточно хорошо в деталях; и интересно, что часто доказательство ошибочно не потому, что Аквинат полагался неоправданно на христианское богословие, а потому, что он слишком доверял аристотелевской науке. И хотя я видел, что детали не всегда были удовлетворительны, мне казалось, что подход «Суммы» был всецело правильным. Я пришел к осознанию, что иррационалистский дух современной теологии был тогдашним феноменом, своего рода механизмом защиты, подобным сокрытию головы в песке. Словом, я считаю, что дух святого Фомы, а не дух Кьеркегора, преобладал на протяжении двух тысячелетий нашего богословия. Но каждое поколение должно оправдывать христианскую систему, используя для этого лучшее светское знание своего времени. Именно поэтому подлинные ученики святого Фомы не могут полагаться на «Сумму» – они должны осуществлять его программу, пользуясь знанием своей эпохи.

Прежде чем я мог реализовывать свою программу на практике, я должен был основательно развить то понимание науки, к которому я шел. Мне нужно было создать бэкграунд в этой области, чтобы те, кто уважал такую работу, могли слушать то, что я хотел сказать, начав писать о религии. Поэтому, получив свою первую преподавательскую должность в Университете Гулля в 1963 году, я посвятил большую часть следующего десятилетия писанию на темы философии науки. Уважение к высказываниям науки является настолько важным компонентом современного интеллектуального мировоззрения, что исследование сущности, пределов и обоснования таких

высказываний само по себе является жизненно важной задачей, совершенно независимо от любых следствий, которые это могло бы иметь для религии. К тому же это чарующая задача. Я написал две основательные книги в этой сфере: «Пространство и время» (1968) и «Введение в теорию подтверждения» (1973). Первая шла от анализа нашей обычной речи о расстоянии и временном интервале к большим вопросам: существует ли только одно пространство и время, имеет ли пространство три измерения, а время только одно, и почему причины предшествуют их следствиям. В ней много говорилось об интерпретации теории относительности, и в этом плане она была исследованием значения и обоснования известной научной теории. Книга по теории подтверждения имела решающее значение для моих последующих размышлений. Теория подтверждения – это аксиоматизация в терминах математического исчисления вероятности того, что создаёт нечто вероятное, или подтверждает его, то есть повышает его вероятность. Я стремился показать, что критерии, по которым учёные устанавливают ценность теорий, описанных выше, могут быть схвачены таким исчислением, в особенности его знаменитой теоремой, предложенной Байесом.

Кроме небольшой книги «Концепция чуда» и нескольких статей, я не издал ничего по философии религии до 1972 года. Теперь я был готов обратиться к ней. В тот год я стал профессором философии в Кильском университете и начал писать трилогию по философии теизма, утверждающую, что Бог существует. Первая книга этой трилогии, «Когерентность теизма», касалась того, что значит утверждать, что Бог есть; вторая книга, «Существование Бога», была посвящена вопросу, существует ли Бог, и в ней утверждалось, что намного более вероятно, что Он есть, чем обратное; в третьей книге, «Вера и разум», говорилось об отношении доказательств существования Бога к религиозной практике.

Научное versus личное объяснение

Основная идея книги «Существование Бога»⁵ состоит в том, что различные традиционные аргументы в пользу теизма: от существования мира (космологический аргумент), от его соответствия научным законам (версия телеологического аргумента) и проч., – лучше всего использовать не как дедуктивные, а как индуктивные доказательства. Имеющий силу дедуктивный аргумент, – это тот, в котором посылки (отправные точки) безошибочно гарантируют истинность вывода; корректный индуктивный аргумент – это тот, в котором посылки подтверждают вывод (то есть делают его более вероятным, чем он бы был в противном случае). Наука строит доказательства от различных ограниченных явлений, доступных наблюдению, к их ненаблюдаемым физическим причинам и, делая так, она аргументирует индуктивно. Моё утверждение сводилось к тому, что теизм является наиболее обоснованной из метафизических теорий. Существование Бога – это очень простая гипотеза, ведущая нас к ожиданию как очень общих, так и более специфичных явлений разного рода, которых бы мы не ожидали иначе. По этой причине оно представляется вероятным благодаря этим явлениям. Или скорее, как и в любой

---

5 См.: Swinburne R. The Existence of God. Oxford: Oxford University Press, 1979; Суинберн Р. Существование Бога. Пер. с англ. М.О. Кедровой. М.: Языки славянских культур, 2014.

большой научной теории, каждая группа явлений увеличивает вероятность теории, так что все вместе они делают её намного более вероятной.

Когда мы объясняем явления, в нашем распоряжении два различных способа делать это. Одним из них служит научное объяснение. Посредством него мы объясняем явление *E* в терминах некоторого предыдущего положения дел *F* (причина) в согласии с некоторой закономерностью или естественным законом *L*, который описывает поведение объектов, участвующих в *F* и *E*. Мы объясняем, почему камню потребовалось две секунды, чтобы упасть с башни высотой в 64 фута после того, как он перестал покоиться на её вершине (*F*), согласно закономерности, выводимой из Галилеева закона свободного падения, по которому все тела падают на земную поверхность с ускорением 32 фута/сек² (*L*): *E* следует из *F* и *L*. И, как я отметил ранее, наука также может объяснить действие закономерности или закона в какой-то узкой сфере в рамках действия более общего закона. Так, она может объяснить, почему Галилеев закон падения справедлив для небольших объектов вблизи поверхности Земли. Закон Галилея вытекает из законов Ньютона, при том условии, что Земля является телом определенной массы, отдалённым от других больших тел, а объекты на её поверхности близки к ней и малы по массе в сравнении с ней.

Другой способ, который мы всё время используем и рассматриваем как подходящий способ объяснения явлений, – это тот, который я называю личным объяснением. Мы часто объясняем некое явление *E* как совершённое человеком *P*, чтобы осуществить какое-то намерение или достичь какой-то цели *G*. Настоящее движение моей руки объясняется как совершённое мной с намерением поднять стакан. Движение моих ног ранее в сторону комнаты объясняется моей целью пойти туда, чтобы прочитать лекцию. В этих случаях я произвожу состояние своего тела, которое затем само производит состояние вещей за пределами моего тела. Но именно я (*P*) произвожу телесное состояние (*E*), способствующее возникновению того дальнейшего состояния (*G*), а не какого-то иного.

Объяснение, о котором идёт здесь речь, – другой способ объяснения вещей, отличный от научного. Научное объяснение включает в себя законы природы и предыдущие положения дел. Личное объяснение включает в себя личности и намерения. В каждом случае основанием для того, чтобы считать объяснение правильным, как указывалось ранее, служит факт, что для объяснения упомянутого явления и многих ему подобных нам нужно мало объектов (к примеру, одна личность, а не много личностей), мало видов объектов с малым количеством легко описываемых свойств, которые ведут себя математически простыми способами (например, личность, обладающая определенными способностями и намерениями, не изменяющимися хаотически), что даёт начало множеству явлений. В поисках наилучшего объяснения событий мы можем искать объяснения обоих видов, и, если мы не можем найти научное, которое удовлетворяет этим критериям, мы должны искать личное.

Мы должны искать объяснение всех вещей; но мы видели, что у нас есть основания думать, что мы нашли объяснение только в том случае, если предполагаемый вариант прост и подводит нас к ожиданию того, что мы находим в реальности и чего нельзя было

ожидать в противном случае. Как показывает история науки, считается, что всё сложное, смешанное, случайное и разнообразное нуждается в объяснении и что оно должно объясняться в терминах чего-то более простого. Движения планет (подчиняющиеся законам Кеплера), механические взаимодействия тел на Земле, поведение маятников, движение приливов, поведение комет и проч. образовывали довольно пёстрый набор явлений. Ньютонов закон движения представлял собой простую теорию, которая подводила нас к ожиданию именно этих явлений, и потому считалась их истинным объяснением. Существование тысяч разных химических веществ, объединяющихся в различных соотношениях, чтобы создать другие вещества, было сложным. Гипотеза о том, что существует всего около ста химических элементов, из которых образованы тысячи веществ, была простой, и она вела нас к ожиданию сложных явлений. Когда мы достигаем простейшей из возможных отправных точек на пути к объяснению, которая ведёт нас к ожиданию тех явлений, которые мы находим, тут мы должны остановиться и верить, что мы нашли предельный необъяснимый далее факт, от которого зависят все остальные вещи.

Продолжение следует.

Richard Swinburne The Vocation of a Natural Theologian (Russian translation. Part I)

Annotation: *Readers are invited to an intellectual and autobiographical essay by one of the leading Christian thinkers of the last half century, a member of the British Academy, a professor of Christian philosophy at Oxford University in 1985–2002.*

Keywords: *theism, Christianity, Oxford philosophy, justification of scientific theories*

Сведения об авторе

Ричард Суинберн (р. 1934) – британский философ и богослов. Был профессором христианской философии в Оксфордском университете в 1985–2002 годах.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk

Richard Swinburne (b. 1934) is a British philosopher and theologian. He was a professor of Christian Philosophy at the University of Oxford in 1985–2002.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk